

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПРИНЦИПА ДИСПОЗИТИВНОСТИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

В статье раскрываются проблемы, связанные с определением содержания принципа диспозитивности в уголовном судопроизводстве России. В частности, рассматривается природа диспозитивности как принципа уголовно-процессуального права и обосновывается необходимость закрепления его содержания в главе 2 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Исследуются проблемы соотношения диспозитивности с частными началами уголовного процесса, а также разграничение принципа диспозитивности и диспозитивного метода правового регулирования.

Новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК), как представляется, в большей степени, чем прежний УПК РСФСР, отвечает требованиям принципа диспозитивности, и ряд его норм закрепляют элементы этого принципа. Тем не менее правовое регулирование имеет ряд недостатков, обусловленных отсутствием легального определения принципа диспозитивности в главе 2 Кодекса и последовательной его реализации в конкретных нормах. В связи с этим представляется необходимым вновь обратиться к исследованию вопроса о содержании указанного принципа.

Принципы уголовного процесса – это основополагающие императивные правовые требования к процедуре производства по уголовным делам, призванные, в первую очередь, гарантировать соблюдение прав и законных интересов личности. Принципы всегда выражены в правовых нормах, в противном случае правовые идеи, не нашедшие своего закрепления в конкретных нормах, не приобретают свойства общеобязательности и не могут рассматриваться в качестве принципов той или иной отрасли права. Однако это не означает того, что принципы всегда должны быть изложены в специальной статье нормативно-правового акта. Принципы могут содержаться в целом комплексе правовых норм, а последние, в свою очередь, – в статьях различных нормативных актов. И несмотря на это, такие принципы не только не теряют своих императивных качеств, но и определяют само построение процесса, выражают идеологию, лежащую в его основе, и являются базовыми для всех остальных норм, регулирующих порядок судопроизводства. Так, общепризнанные принципы международного права далеко не всегда содержатся в специальных статьях международных договоров, а раскрываются в декларациях, рекомендациях и т. п. документах, принимаемых под эгидой ООН, Совета Европы и других международных организаций. Хотя эти документы и не имеют статуса международного договора, т. е. формально не являются нормативно-правовыми актами (например,

Всеобщая декларация прав человека 1948 г.), но положения, в них содержащиеся, приобретают императивный характер в силу признания их мировым сообществом. Согласно п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. №5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо. Таковыми, например, являются принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств.

Содержащийся в главе 2 УПК перечень принципов уголовного судопроизводства нельзя признать исчерпывающим. Отсутствие четко выраженной формулировки содержания диспозитивности уголовного процесса не означает того, что требование диспозитивности еще не сформировалось в качестве принципа. Наличие элементов принципа диспозитивности проявляется в УПК не только в рамках правового регулирования производства по делам частного и частно-публичного обвинения, но также и в таких институтах уголовного процесса, как возбуждение дел о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях только с согласия и по заявлению руководителя такой организации (ст. 23 УПК), прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК), отказ гражданского истца от иска (ч. 5 ст. 44 УПК). В УПК довольно последовательно проводится идея освобождения суда от несвойственных ему функций, в первую очередь от обвинительных: возбуждения уголовного дела и избрания обвиняемому меры пресечения по собственной инициативе, вручения подсудимому копии обвинительного заключения, оглашения его в судебном заседании, обязанности суда первым допрашивать подсудимого, потерпевшего, свидетеля, обя-

занности продолжить судебное разбирательство при отказе государственного обвинителя от обвинения, возвращения уголовного дела по собственной инициативе на дополнительное расследование в случае установления неполноты проведенного предварительного следствия и дознания. В соответствии с ч. 2 ст. 246 УПК РФ участие государственного обвинителя стало обязательным в судебном разбирательстве уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения. Кроме того, в новом кодексе отсутствует норма, позволяющая суду по собственной инициативе, без предъявления потерпевшим или прокурором гражданского иска, разрешать вопрос о возмещении вреда, причиненного преступлением. Тем не менее, нормативное закрепление легальной формулировки принципа диспозитивности в главе 2 УПК придало бы ему свойство формальной определенности, что необходимо для реального обеспечения его действия на практике.

Принцип диспозитивности в уголовном судопроизводстве можно определить как зависимость движения дела (его возбуждение, формулирование обвинения, возможность примирения, отказа от поддержания обвинения и др.) от волеизъявления сторон. Построение уголовного процесса на диспозитивных началах предполагает наделение сторон правами, предопределяющими возникновение, движение и окончание процесса, т. е. возможностью совершать распорядительные действия, от которых зависит юридическая судьба дела. В частности, принцип диспозитивности предполагает, что государство не должно вмешиваться в конфликт между частными лицами, если он не нарушает общественных или государственных интересов. Потерпевший в таких случаях, сознавая возможность судебной защиты своих прав, сам решает вопрос о необходимости обращения в суд либо о прекращении судопроизводства на любой стадии процесса. Отсюда наиболее последовательно принцип диспозитивности реализуется в производстве по делам частного обвинения. Однако институтом производства по делам частного обвинения данный принцип не ограничен. Поскольку Конституция и УПК признали приоритетными именно интересы личности, то уголовный процесс может и должен существовать прежде всего ради интересов пострадавшего от преступления лица, а не безликого государственного интереса. Преступное деяние, причинившее вред личности, всегда должно влечь признание за потерпевшим правового статуса частного обвинителя в уголовном процессе, в том числе и по делам частно-публичного

и публичного обвинения, с тем, чтобы он мог полноценно, как равноправный участник процесса выражать в нем свою волю. Тем не менее, становиться или не становиться обвинителем – это право, а не обязанность потерпевшего, он должен иметь возможность в любой момент отказаться от поддержания обвинения. Прекратится процесс или нет в данном случае, зависит только от того, участвует ли в нем государственный обвинитель. Продолжение процесса с участием только государственного обвинителя не противоречит диспозитивности, ибо оно обусловлено тем, что прокурор представляет публичные интересы, и необходимость их защиты выступает предпосылкой к продолжению процесса.

Принцип диспозитивности не сводится к частному началу в уголовном процессе. Здесь важно четко ограничивать одно понятие от другого, не допуская путаницы в терминологии. Так, Е.А. Седаш считает, что «частное начало можно определить через свободу участников уголовного процесса распоряжаться своими правами, но это будет всего лишь определенная часть диспозитивности. Хотя диспозитивность и частное начало и обладают некоторой схожестью, их различие очевидно. И состоит оно в назначении и пределах действия этих начал. Если диспозитивность представляет собой основу организации всего гражданского процесса, то частное начало в уголовном судопроизводстве – это всего лишь элемент организации уголовно-процессуальной деятельности, представляющей по своей сути дополнение к принципу публичности»[1]. Данное суждение представляется нам недостаточно обоснованным по следующим причинам. **Частное начало уголовного судопроизводства – это возможность защиты в процессе частных интересов, т. е. интересов физических и юридических лиц** (потерпевшего, гражданского истца и ответчика, обвиняемого), а не свобода участников распоряжаться своими процессуальными правами. Последнее является составной частью принципа диспозитивности, который предполагает, что процесс развивается лишь по инициативе сторон, т. е. субъектов, отстаивающих в процессе собственные или представляемые интересы, причем как частного, так и публичного характера.

Именно поэтому мы выступаем за то, что бы не противопоставлять друг другу принципы публичности и диспозитивности, ибо они лежат в разных плоскостях. **Принцип публичности уголовного судопроизводства не противоречит диспозитивному построению процесса**[2]. Принцип

публичности вытекает из конституционных обязанностей государства по защите потерпевших от преступлений, обеспечению им доступа к правосудию и компенсации причиненного вреда. Он отражает роль государства в охране прав и свобод человека от преступных посягательств. Поэтому важно правильно определить его смысл и значение, с тем чтобы он не стал ширмой для ущемления этих прав. О сущности принципа публичности и опасности его чрезмерного усиления прекрасно писал И.Я. Фойницкий: «Общественное, или публичное начало уголовного судопроизводства противопоставляется началу частному, или исковому... и состоит в том, что уголовно-судебное разбирательство происходит в общегосударственных интересах, требующих не осуждения обвиняемого во что бы то ни стало, а правильного приложения уголовного закона, ...наказание невинных вредит государству еще более, чем оправдание виновных»[3]. В советский период подход к определению принципа публичности существенно видоизменился. В концентрированном виде концепцию публичности, выработанную советской правовой доктриной, выражала ст. 2 УПК РСФСР, определяющая задачи уголовного судопроизводства применительно ко всем субъектам процесса, в том числе по отношению к суду. «Быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных», способствование «предупреждению и искоренению преступлений» – так законодатель представлял роль уголовной юстиции в обществе. Теперь и Конституция РФ, и УПК содержат принципиально иной подход к пониманию публичности, основанный на концепции правового государства. Современное понимание принципа публичности должно отвечать целям и задачам судебной реформы, главной из которых является создание уголовного процесса охранительного типа. «Признавая права и свободы человека высшей ценностью, государство принимает на себя обязанность по их соблюдению и защите. Таким образом, у государства имеется интерес, который заключается в том, что необходимо соотносить пределы свободы каждого члена общества со свободой других. В основе установленного порядка ведения судопроизводства, таким образом, присутствует публичный интерес. Публичность тем самым выражает не власть государства в обвинении, а власть закона над государством, и это является важнейшим признаком правового государства»[4]. Нами последовательно отстаивается подход, согласно которому **публичность должна рассматриваться как комплексный принцип, суть которого сводится к двум основным аспектам**[5].

Первый связан с тем, что правосудие является одной из функций государственной, публичной власти, его осуществляет государственный орган – суд, только ему принадлежит суверенное право осуществления правосудия. Здесь мы видим публичное начало, заключающееся в том, что государство, стремясь обеспечить справедливое и правильное разрешение уголовных дел, наделяет необходимыми и обширными полномочиями суд, орган государства, который бы действовал от его имени, но отнюдь не в его интересах, а независимо от них, а также каких-либо частных интересов, объективно и беспристрастно. Второй аспект принципа публичности – участие в судопроизводстве в качестве стороны государственного обвинителя – прокурора, представляющего нарушенные преступлением интересы общества или государства. **Принцип публичности отражает необходимость в государственном, публичном механизме защиты прав и свобод человека от преступного их нарушения.** В этом смысле принцип публичности выражается в институте публичного обвинения. Прокурор, в отличие от суда, по долгу службы обязан защищать именно публичные интересы в процессе, именно поэтому его участие в делах публичного обвинения обязательно. Если государству причинен вред, оно вправе и обязано защитить свои интересы. Что же касается деяний, не причинивших непосредственно вред государству или обществу (объектам публично-правовым), то здесь государственное обвинение и публичность должны быть исключением, а не правилом. Участие прокурора как обвинителя в таких случаях должно быть ограничено четкими рамками и не нарушать волеизъявления потерпевшего. Содержание принципа публичности должно рассматриваться не иначе как через призму приоритета личности, высшей ценности человека и его естественных прав в системе охраняемых законом общественных благ.

Диспозитивность, как и публичность, свойственна не отдельной категории дел, а уголовному процессу вообще. Так, прокурор, отказываясь от обвинения, также осуществляет свое диспозитивное право, и в этом случае, если потерпевший не поддерживает обвинение, процесс должен быть прекращен. Необходимо еще раз подчеркнуть, что суть принципа диспозитивности заключается в том, что движение процесса может зависеть только от сторон, от их активности, но не от суда. В римском праве принцип диспозитивности определялся формулой «*nemo iudex sine actore*», означающей, что судопроизводство не может быть нача-

то без предъявления иска. В таком понимании акцент делается на то, что инициатива в возникновении и движении дела не может исходить от суда, она принадлежит исключительно сторонам. Это касается и процесса доказывания – стержня уголовного судопроизводства. Доказывание в диспозитивном процессе осуществляют стороны, заинтересованные в представлении доказательств. Именно представление обвинительных или оправдательных доказательств суду и составляет суть процессуальных функций обвинения и защиты. Заинтересованность сторон в исходе дела обуславливает и то, что в состязательном процессе суду предоставляется сторонами богатый, всесторонний доказательственный материал, что не свойственно процессу инквизиционному. И частный, и публичный обвинитель должны обладать диспозитивными правами в процессе, с тем чтобы суд оставался объективным и беспристрастным арбитром в их споре, не осуществлял функции сторон, а лишь создавал условия для реализации их процессуальных прав. Все это обуславливает теснейшую связь между принципами диспозитивности и состязательности сторон. Состязательность выступает важнейшим условием обеспечения диспозитивности, а состязательное построение процесса в свою очередь невозможно без предоставления сторонам дискреционных полномочий, т. е. прав по распоряжению предметом «уголовного иска». Отсюда представляется более правильным ставить вопрос о закреплении принципов диспозитивности и состязательности в рамках одной статьи УПК, чем формулировать некий новый комплексный принцип – «принцип соотношения публичности и диспозитивности», как это предлагает Меженина Л.А.[6]. Совершенно обоснованно пишет в этой связи А.П. Гуськова, что нужно считать принципом уголовного судопроизводства «сочетание публичных и частных начал»[7]. Именно этот подход и выражен в содержании ст. 6 УПК. **Ставить вопрос о соотношении или сочетании теоретически возможно не между принципами публичности и диспозитивности, а только между частными и публичными началами процесса,** предполагающими, с одной стороны, защиту частных интересов потерпевших от преступлений и лиц, обвиняемых в их совершении, а с другой стороны – интересов общества и государства, т. е. интересов публичных. Законодатель снял противоречие между публичными и частными началами уголовного процесса, определив в ч. 2 ст. 6 УПК, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают на-

значению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию. Отсюда можно признать, что ст. 6 УПК содержит новый для отечественной уголовно-процессуальной науки принцип – принцип сочетания публичных и частных начал уголовного судопроизводства. Безусловно, данный вопрос требует дальнейшего осмысления и теоретического обоснования.

Нам представляется, что нельзя также отождествлять принцип диспозитивности с диспозитивным методом правового регулирования, который предполагает возможность изменения правил поведения субъектов правоотношений по их усмотрению или соглашению и свойственен отраслям частного права, прежде всего гражданскому праву. Например, С.С. Пономаренко пишет, что «диспозитивность в уголовном процессе – привилегия не только сторон, но и тех участников процесса, которых к сторонам отнести нельзя»[8]. Он считает, что «следует различать диспозитивность в широком смысле, как свободу любого участника уголовного судопроизводства распоряжаться предоставленными законом правами при осуществлении уголовного правосудия, и диспозитивность в узком смысле, как свободу распоряжения правами тех участников уголовного судопроизводства, которые имеют в деле публичный либо частный интерес»[8]. С данной позицией трудно согласиться. Процессуальные отрасли, являясь, безусловно, отраслями публичного права, всегда характеризуются императивным методом правового регулирования, когда субъекты правоотношений не могут отклоняться от правил поведения, установленных нормами права, что, однако, не исключает многовариантности правил поведения, но возможные его варианты жестко детерминированы самой нормой и заложены в ее гипотезе. Преимущественное использование диспозитивного или императивного метода в отношении тех или иных субъектов правоотношений определяет режим правового регулирования. В теории права выделяют два режима – общедозволительный и разрешительный. Общедозволительный режим традиционно представляют в виде формулы «разрешено все, что не запрещено законом», а разрешительный – «разрешено лишь то, что прямо предусмотрено законом». Если в отношении физических или юридических лиц – субъектов уголовного процесса, выступающих на стороне обвинения или защиты, но не обладающих публичными властно-распорядительными полно-

мочиями (потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, гражданский истец и ответчик, их представители и законные представители, защитник), установлен общедозволительный режим правового регулирования, то в отношении государственных органов и должностных лиц, ведущих процесс, – разрешительный. Последнее является одной из важнейших гарантий законности в уголовном судопроизводстве. Поэтому отождествление принципа диспозитивности с диспозитивным методом правового регулирования не только теоретически не обосновано, но и опасно, если эта ошибочная позиция используется законодателем при формулировании правовых норм. Так, в УПК совершение ряда судебных действий в рамках судебного следствия, как нам представляется, необоснованно поставлено в зависимость от желания или согласия сторон. Осмотр вещественных доказательств, как следует из буквального толкования ч. 1 ст. 284 УПК, возможен только по ходатайству сторон. Оглашение показаний подсудимого, ранее данных им при производстве предварительного расследования, а также воспроизведение приложений к протоколу допроса материалов фотографирования, аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки его показаний также может иметь место лишь по ходатайству сторон (ст. 276 УПК). Кроме того, УПК предусматривает возможность оглашения показаний потерпевшего и свидетелей в случае их неявки (независимо от уважительности или неуважительности ее причин, возможности или невозможности явиться в суд), обязательным условием ко-

торого является согласие сторон, кроме случаев, специально указанных в законе (ч. 1 ст. 281). Данные нормы, по сути, ограничивают действие такого общего условия судебного разбирательства, как непосредственность исследования доказательств. С такой позицией законодателя трудно согласиться. Судебный приговор может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании (ч. 3 ст. 240 УПК). Несоблюдение этого требования ставит под сомнение обоснованность приговора и, в конечном счете, приводит к нарушению принципа законности, подрывает авторитет суда. Состязательность не означает, что суду отводится лишь роль пассивного наблюдателя. Суд в силу требований закона обязан непосредственно исследовать доказательства, представленные сторонами, для того чтобы их проверить и дать им правовую оценку с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности для разрешения уголовного дела.

Итак, принцип диспозитивности предполагает, что возникновение и развитие уголовного судопроизводства возможно лишь по инициативе сторон, где независимый, объективный и беспристрастный суд, создавая необходимые условия для осуществления сторонами их прав, не подменяет стороны в их процессуальной деятельности, но обеспечивает их равноправие и состязательность в доказывании. Все это – необходимые условия, наиболее благоприятствующие достижению процессуальной (юридической) истины в уголовном процессе правового государства.

Список использованной литературы:

1. Седаш Е.А. Частное начало в российском уголовном судопроизводстве: Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. юрид. наук. – Саратов, 2000.
2. Шамардин А.А. Принцип диспозитивности в уголовном судопроизводстве и его соотношение с принципом публичности / Защита прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном процессе, как приоритетное направление в судопроизводстве / Отв. ред. И.Ф. Демидов. – Москва – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 1999. – С. 34-35.
3. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. – Санкт-Петербург: Альфа, 1996. С. 11.
4. Гуськова А.П. Публичное и частное в уголовном судопроизводстве / Механизм реализации норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: проблемы и пути их разрешения: Межвуз. сб. – Ижевск: Детектив-информ, 2003. – С. 10.
5. Шамардин А.А. Частные начала обвинения и становление принципа диспозитивности в уголовном процессе России: Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. юрид. наук. – Оренбург, 2001. – С. 15-16.
6. Меженина Л.А. Публичность российского уголовного процесса: Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – С. 8.
7. Гуськова А.П. – Указ. соч. – С. 13.
8. Пономаренко С.С. Диспозитивные начала в российском уголовном судопроизводстве: Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. юрид. наук. – Оренбург, 2002. – С. 10.